

Женщина. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Женщина. Максим Горький

Летит степью ветер и бьет в стену Кавказских гор; Горный хребет точно огромный парус, и земля – со вьистом – несется среди бездонных голубых пропастей, оставляя за собою изорванные ветром облака, а тени их скользят по земле, цепляются за нее, не могут удержаться и – плачут, стонут...

Деревья гнутся долу, словно бегут; кусты встряхивают ветвями, как собаки шерстью, и стелются по черной земле, – она дымится вся в пыли, течет не умолкая сухой шорох, свист и вой, щелкают аисты, крикают сытые вороны, немолчно трещат степные сверчки, и, словно командуя всем, раздаются крики солидных крупнорослых станичников. С голой степи мчится перебитая молотилками золотая солома, на площади нарядной казачьей станицы крутятся серые вихри, летают птичьи перья и сожженный солнцем желтый лист.

Торопливо появляется солнце, быстро исчезает, точно оно гонится за бегущей землей и устало уже – отстает, тихо падая с неба в дымный хаос на западе, где тоже горы в снежных вершинах и краснеют сырые тучи, тяжелые, как вспаханная земля.

Порою между массами туч ослепительно сверкает седло Эльбруса и хрустальные зубья других гор – они вцепились в облака и пытаются удержать их. Так ясно чувствуешь бег земли в пространстве, что трудно дышать от напряжения в груди, от восторга, что летишь вместе с нею, красивой и любимой. Смотришь на эти горы, окрыленные вечным снегом, и думается, что за ними бесконечно широкое синее море и в нем гордо простерты иные чудесные земли или просто – голубая пустота, а где-то далеко, чуть видные в ней, кружатся разноцветные шары неведомых планет – родных сестер моей земли...

Со степи едут воза обмолоченного хлеба; в пыли, черной и жирной, как сажа, степенно и тяжело шагают круторогие сивые вола, глядя в землю терпеливым взглядом круглых глаз; на возу лежит казак, в серой от пыли рубахе, мохнатая папаха сдвинута на затылок, лицо черно от загара, глаза красны от ветра, а борода склеена потом, пылью – точно каменная. Иногда казак идет впереди воза, у ярма; ветер толкает его в спину, раздувая рубаху; человек так же гладок и солиден, как вол, и глаза у него такие же терпеливо-умные; двигается он не торопясь, как будто зная все, что ждет его впереди.

– Цоб... цобе...

У них хороший урожай в этом году, все они – здоровые, сытые, но смотрят хмуро, говорят неохотно, сквозь зубы. Может быть, устали в работе...

Посреди станицы в небо поднялась краснокирпичная церковь о пяти главах, с колокольней над папертью; наличники окон оштукатурены и покрашены желтоватой краской – церковь как будто слеплена из мяса, обильно прослоенного жиром, тень ее тучна и тяжела: храм, созданный сытыми людьми большому спокойному богу.

Хороводом стоят приземистые белые хаты; точно дородные бабы, стоят они, опоясавшись кручеными поясами плетней, пышно окутанные шелками садов, покрытые выцветшей парчой камышовых крыш, а над крышами качаются серебристые тополя, вздрагивает кружевная листва акации, тарахтят, как детские погремушки, сухие стручья, темные ладони каштанов треплются в воздухе, точно желая схватить быстро бегущие облака. Со двора на двор бегают казачки, высоко подоткнув подола юбок и рубах, обнажив до колен большие, крепкие ноги, – торопясь убраться к празднику, они озабоченно покрикивают друг на друга и на круглых ребятишек, которые – словно воробьи – купаются в пыли и, черпая ее горстями, высоко подкидывают в воздух.

У церковной ограды, за ветром, развалились по сухому рыжему бурьяну "шляющие за работой"; их десятка два, всё это – "никудышный народ", мечтатели, ожидающие счастливого случая, доброй улыбки судьбы, или лентяи, опьяненные широким простором богатой земли, пленники русской страсти к бродяжеству. Они ходят группами в два-три человека из станицы в станицу, именно "за работой", смотрят на нее, удивляются ее обилию, но работают только в крайней нужде, когда уже нет

Женщина. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
возможности утолить голод иными способами – попрошайничеством или воровством.

Завтра – Успенев день, в богатой станице – праздник, и вот они собрались отовсюду, в надежде, что праздничный день напоит и накормит их досыта, без труда с их стороны.

Все это "русские" – из центральных губерний, они дочерна сожжены непривычным солнцем юга, волосы их выгорели, ветер ершит и треплет их лохмотья, все они притворяются смиренными, благочестивыми – устали от трудов, от неудач жизни и вот – сошлись сюда.

Когда мимо них проплывает, охая и поскрипывая, тяжелый воз хлеба, проходит, жуя соломинку, казак, – они покорно, наивно кланяются ему, а он смотрит на них косо, пренебрежительно, не ломая шапки, чаще же совсем не видит, как изгибаются перед ним серые лохматые фигуры чужих людей.

Ниже и вычурнее других кланяется казакам туляк Конёв, мужик сухой, обгорелый, точно головня, с черной бородкой, беспечно рассеянной по костлявому лицу, с ласковой улыбочкой темных глаз, глубоко спрятанных в орбиты.

Я только сегодня пристал к этим людям, но Конёв – старый знакомый мой, по пути из Курска до Терской области я неоднократно встречал его. Он человек "артельный", любит держаться среди людей, но, кажется, лишь потому, что очень труслив. На всех точках земли вне своей деревни, прижавшейся где-то к пескам Алексинского уезда, он убежденно говорит всегда одно и то же:

– Действительно, земля тут богатая, а с людьми-ми я не согласен... никак! В нашем краю народ куда те душевнее, настоящий русский народ, равенья нет со здешним! Тут – кремни, тут души и на трешник нет!

Он любит тихо и задумчиво рассказать чудесный случай неожиданного обогащения:

– Вот – в подковы ты не веришь, а я те скажу – нашел один ефремовский мужик подкову, а недели через три за этим дядя его, лавошник в Ефремове со всею семьею и сгори, – видал? Всё наследство – мужику этому попало, да! Нет, ты не бай, чего не знаешь: судьба человека жалеет, она его часто с добром стережет...

Его черные, круто изогнутые брови взползают высоко на лоб, а глаза изумленно выкатываются из орбит, Точно Конёв и сам не может поверить в то, что рассказал.

Когда казак пройдет, не ответив на поклон, Конёв Усмотрит в спину ему и ворчит:

– Заелся, не видит даже человека... Нет, я прямо скажу: суходушный народ!..

С ним – две женщины; одна – лет двадцати, ко-уротенькая, толстая, со стеклянными глазами и полуоткрытым ртом. У нее лицо дурочки: нижняя часть его, "с обнаженными зубами, как будто смеется, а когда взглянешь в неподвижные глаза под низким лбом – кажется, что она сейчас заплачет, испуганно и визгли-уво, точно кликуша.

– Отпустил он меня сюды с чужими людьми, – Жалуется она басом, засовывая коротким пальцем под Зеленый и желтый платок выгоревшие волосы.

Толсторожий скуластый парень с маленькими глазками монгола толкает ее локтем в бок, сипло и лениво говоря:

– Бросил он тебя. Только ты его и видела...

– Да-а, – задумчиво тянет Конёв, разбираясь в ?воей котомке. – Теперь баб очень просто покидают, ни к чему они в этом годе, нипочем....

Баба морщится, испуганно мигая, растягивает рот, – ее подруга говорит бойко и внятно:

– А ты не слушай их, озорников...

Она постарше лет на пять, и лицо у нее не обычное: большие темные глаза всё время играют, почти каждую минуту меня выражение: то они пристально и серьезно

Женщина. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

смотрят куда-то вдоль станичной улицы и в степь, где летает ветер, вдруг торопливо начинают искать чего-то на лицах людей, потом тревожно прищурятся, по красивым губам пробежит улыбка, – женщина, опустив голову, прячет лицо, а когда вновь поднимает его – глаза у нее новые: сердито расширены, между тонких бровей лежит угловатая складка, запекшиеся губы аккуратного рта плотно и упрямо сжаты, она шумно, как лошадь, втягивает воздух тонкими ноздрями прямого носа.

В ней чувствуется что-то не крестьянское: из-под синей юбки высунулись потрескавшиеся ступни ног – это не деревенские растоптанные ноги, подъем их высок, заметно, что они привыкли к башмакам. Она чв-нит голубую с белыми горошинами кофту, и видно, что работать иглой привычно ей, – небольшие загорелые руки мелькают над измятой матерней ловко и быстро. Ветер хочет вырвать шитье из этих рук и не может. Сидит она согнувшись, в прореху холщовой рубахи я вижу небольшую крепкую грудь, – грудь девушки, но оттянутый сосок говорит, что предо мною – женщина, кормившая ребенка. Среди этих людей она – точно кусок меди в куче обломков старого, изъеденного ржавчиной железа.

Большинство людей, среди которых я иду по земле, – не то восходя, не то опускаясь куда-то, – серо, как пыль, мучительно поражает своей ненужностью. Не за что ухватиться в человеке, чтобы открыть его, заглянуть в глубину души, где живут еще незнакомые мне мысли, неслышанные мною слова. Хочется видеть всю жизнь красивой и гордой, хочется делать ее такою, а она все показывает острые углы, темные ямы, жалких, раздавленных, изолгавшихся. Хочется бросить во тьму чужой души маленькую искру своего огня, – бросишь, она бесследно исчезает в немой пустоте...

А эта женщина будит фантазию, заставляя догадываться о ее прошлом, и невольно я создаю какую-то сложную историю человеческой жизни, раскрашивая эту жизнь красками своих желаний и надежд. Я знаю, что это ложь, и – знаю худо будет мне со временем за нее, но – грустно видеть действительность столь уродливой.

Большой рыжий мужик, спрятав глаза, с трудом подыскивая слова, медленно рассказывает голосом густым, как деготь:

– Ладно-о. Пошли. Дорогой я ему баю – хоть не хошь, Губин, а вор – ты, более некому...

Все "о" рассказчика крепкие, круглые, они катятся, точно колеса тяжелого воза по теплой пыли проселочной дороги.

Скуластый парень неподвижно остановил на молодой бабе в зеленом платке свинцовые белки с мутными, точно у слепого, зрачками, срывает серые былинки, жует их, как теленок, и, засучив рукав рубахи по плечо, сгибает руку в локте, косясь на вздувшийся мускул.

Неожиданно он спрашивает Конева:

– Хошь – дам раза?

Конёв задумчиво посмотрел на кулак – большой, как пудовая гиря, и словно ржавчиной покрытый, – вздохнул и ответил:

– Ты себя по лбу вдарь, может, умней- будешь... Парень смотрит на него сычом, спрашивая:

– А почему я дурак?

– Наличность доказывает...

– Нет, постой, – тяжело поднявшись на колени, придирается парень. – Ты отколь знаешь, каков я?

– Губернатор ваш сказывал мне...

Парень помолчал, удивленно посмотрел на Конева и спросил:

– А – какой я губернии?

Женщина. Максим Горький gorkiutaxim.ru

- Отвяжись, коли забыл.

- Нет, погоди! Ежели я тебя вдарю...

Перестав шить, женщина повела круглым плечом, как будто ей холодно стало, и ласково осведомилась:

- А в сам-деле - какой ты губернии?

- Я? Пензенской, - ответил парень, торопливо перевалившись с колен на корточки.

- Пензенской, а - что?

- Так...

Женщина помоложе странно засмеялась подавленным смехом.

- И я...

- А уезда?..

- А я и по уезду - Пензенская, - не без гордости сказала молодуха.

Сидя перед нею, точно перед костром, парень протягивал руки к ней и увещевающим голосом говорил:

- У нас города-хорош! Трактиров, церквей, домов каменных... А в одном трактире - машина играет... все, что хошь... все песни!

- Ив дураки тоже играет, - тихонько бормочет конёв, но, увлеченный рассказом о прелестях города, парень уже ничего не слышит, шлепает большими влажными губами и, как бы обсасывая слова, ворчит:

- Домов каменных...

Женщина, снова оставив шитье, спросила;

- И монастырь есть?

- Монастырь?

Свирепо почесав шею, парень молчит, потом сердито отвечает:

- Монастырь! Я дотошно не знаю... я один раз в городе-то был, когда нас, голодающих, железную дорогу строить гнали...

- Эхе-хе, - вздохнул Конёв, вставая и отходя.

Люди прижались к церковной ограде, как сор, согнанный степным ветром и готовый снова выкатиться в степь на волю его. Трое спят, некоторые чинят одежду, бьют паразитов, нехотя жуют черствый хлеб, собранный под окнами казачьих хат. Смотреть на них скучно, слушать беспомощную болтовню парня досадно. Старшая женщина, часто отрывая глаза от работы, чуть-чуть улыбается ему, и хотя улыбка скупенькая, она раздражает меня, и я иду за Коневым.

У входа в церковную ограду стоят сторожами четыре тополя; ветер гнет их, они кланяются сухой пыльной земле и в мутную даль, где возвысились окованные снегом вершины гор. Рыжая степь облита золотым солнцем, гладка, пустынна и зовет к себе тихим свистом ветра, сладким шорохом сухих трав.

- Бабеночка-то? - мечтательно спрашивает Конёв, прислонясь к стволу тополя и обняв его рукою.

- Откуда она?

- Говорит - рязанская, а звать - Татьяной...

- Давно с тобой ходит?

Женщина. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

- Не-е... кабы давно! Седни утром встрелась, верст за тридцать отсюда... с подругой с этой. Да я и ране видал ее, около Майкопу, на Лабе-реке, в косовицу. В ту пору был с ней мужик пожилой, бритый, вроде бы солдат, не то любовник ей, не то дядя. Пьяница, драчун. Там его за три дня дважды били. А теперь вот идет она с подругой этой. Дядю-то посадили в казачью тюрьму, как он шлею и вожжи пропил...

Конёв говорит охотно, но - как бы додумывая какую-то невеселую думу. Он смотрит в землю. Ветер треплет его рассеянную бородку и рваный пиджак, срывает с головы картуз - измятую тряпицу без козырька, с вырванной подкладкой, - картуз этот - точно чепчик и придает интересной голове Конева смешной бабий вид.

- М-да-а, - сплюнув, сквозь зубы тянет он, - приметная бабеночка... рысак, просто сказать! Нанес чёрт толстомордого этого... у меня бы с ей, глядишь, дела наладились хорошие, а он... пожалуйста! Пес...

- Ты говорил - у тебя жена есть...

Конёв метнул в лицо мне сердитый взгляд и отвернулся, ворча:

- Али я жену в котомке ношу?

Площадью идет кособокий усатый казак, с большими ключами в руке, - в другой у него смятая фуражка вперед козырьком. За ним, всхлипывая и вытирая глаза кулаками, плетется кудрявый мальчик, лет восьми, и шершавая собака, морда у нее унылая, хвост опущен, должно быть - тоже обижена. Когда мальчонка всхлипнет громче, казак останавливается, молча ждет его и, ударив по темени козырьком фуражки, идет дальше, качаясь, как пьяный, а мальчик и собака несколько секунд стоят на месте, один - визжит, другая, равнодушно нюхая воздух старым черным носом, встряхивает хвостом в репьях. Вид у нее ко всему привычный, и она похожа на Конева, только старше.

- Ты вот сказал - жена, - тяжело вздыхая, говорит Конёв, - конечно... ну, - не всякая болезнь - до смерти!.. Женили меня девятнадцати лет...

Остальное я знаю, слышал эти рассказы неоднократно, но мне лень остановить Конева, и в уши назойливо лезут знакомые жалобы.

- Девка сытая, на любовь охочая. Пошли-посыпались дети, вроде бы тараканы с полатей.

Ветер становится тише, уныло шепчет о чем-то... : - Оглянуться не успел, а их - семеро, и все живут, - на тебе! А всего заводу было тринадцать - к чему это? Теперь считай: ей сорок два, а мне сорок три, она - старуха, а я - вот он! Я еще веселый. Одолела меня бедность-нищета, старшенькая девчоночка моя зиму эту в кусочки ходила - что поделаешь? А я по городам шлялся, ну - там для вас одно дело: гляди да облизывайся! Прямо - вижу, не хватит меня, - плюнул на всё и - пошел...

Сухонький, стройный этот человек не позволяет думать, что он работал много и любит работать. Рассказывая, он не жалуется, говорит просто, как бы вспоминая о ком-то другом.

Казак поравнялся с нами, расправил усы и густо спросил:

- Откуда?

- Из. России.

- Вы все оттуда, - сказал он и, отмахнувшись рукой от нас, пошел к паперти. Нос у него уродливо широк, круглые глазки заплыли жиром, лысая голова напоминает башку сома. Мальчик, вытирая нос, ушел за ним, собака обнюхала ноги наши, зевнула и свалилась под ограду.

- Видал? - ворчит Конёв. - Нет, в России народ обходительней, куда те! Стой-ко!

За углом ограды - бабий визг, глухие удары, мы бросаемся туда и видим: рыжий мужик, сидя верхом на пензенском парне, покрякивая и со вкусом считая удары,

Женщина. Максим Горький gorkiytext.ru

бьет его тяжелыми ладонями по ушам, рязанская женщина безуспешно толкает рыжего в спину, ее подруга – визжит, а все остальные, вскочив на ноги, сбились в кучу, смеются, кричат...

– Так!

– П-пять! – считает рыжий.

– За что?

– Шесь!

– Буде! Эхма, – подпрыгивая на одном месте, волнуется Конёв.

Один за другим раздаются хлесткие, чмокающие удары; парень возится, лягается, ткнувшись лицом в землю, и раздувает пыль. Высокий сумрачный человек в соломенной шляпе, не торопясь, засучив рукава рубахи, встряхивает длинной рукою, вертлявый серый паренек воробьем наскакивает на всех и советуется вполголоса:

– Прекратите! Заарестуют всех по скандалу...

– А высокий подступил вплоть к рыжему, одним ударом по виску сшиб его со спины парня и, обращаясь ко всем, поучительно сказал: – Это по-тамбовски!

– Бесстыдники, лиходеи, – кричала рязанская, наклонясь над парнем; щеки у нее были багровые, она отирала подолом юбки окровавленное лицо избитого, темные глаза ее блестели сухо и гневно, а губы болезненно дрожали, обнажая ровные ряды мелких зубов.

Конёв, прыгая вокруг нее, советовал:

– Ты – водой его, воды дай...

Рыжий стоял на коленях, протягивал тамбовцу – кулаки и кричал:

– А он чего силой хвастал?

– За это – бить?

– А ты кто таков?

– Я?

– Самый ты?! ..

– Я те вот шаркну еще раз...

Остальные горячо спорили о том, кого надо считать зачинщиком драки, а вертлявый паренек, всплескивая руками, умолял всех:

– Оставьте шум! Чужая сторона, строгости и всё... а, б-боже мой!

Уши у него странно оттопырены, кажется, что если он захочет, то может прикрыть ушами глаза.

Вдруг в красном небе гулко вздохнул колокол, заглушив все голоса, и в то же время среди толпы очутился молодой казак с палкой в руке, круглолицый, вихрастый, густо окропленный веснушками. – Отчего шум, стерво? – добродушно спросил он.

– Избили человека, – сказала рязанка, сердитая и красивая.

Казак взглянул на нее, усмехнулся.

– Где спите?

Кто-то неуверенно сказал з

- Тут.

- Не можно. Ще церкву обворуете... Гайда до войсковой, тамо вас разведуть по хатам.

- Вот это - ничего! - говорил Конёв, идя рядом со мною. - Это все-таки...

- Ворами нас считают, - сказал я.

- Так - везде! Это и у нас тоже полагается. Осторожность: про Чужого всегда лучше думать, что он вор...

А рязанка шла впереди нас рядом с толстомордым парнем; он раскис и бормотал что-то невнятное, а она, высоко подняв голову, четко говорила тоном матери:

- Ты - молоденький, тебе не надо с разбойниками якшаться...

Медленно бил колокол, и встречу нам со дворов выползали чисто одетые старики и старухи, пустынная улица оживала, коренастые хаты смотрели приветливее.

Звонкий девичий голос кричал:

- Ма-ам? Мамка! Ключ от зеленого сундука - где? Ленты взять...

Мычали волы, отвечая зову колокола глухим эхом.

Ветер стих; над станицей замедленно двигались красные облака, и вершины гор тоже рдяно раскраснелись. Казалось - они тают и текут золотисто-огненными потоками на степь, где, точно из камня высеченный, стоит на одной ноге аист и слушает тихий шорох уставших за день трав.

На дворе войсковой хаты у нас отобрали паспорта, двое оказались беспаспортными, их отвели в угол двора и спрятали там в темный хлевушок. Всё делалось тихо и спокойно, как обычное, надоевшее. Конёв уныло посматривал в темнеющее небо и ворчал:

- Удивительно даже...

- Что?

- Пачпорта, например. Хорошего, смирного человека можно бы и без пачпорта по земле пускать... Ежели я - безвредный...

- Ты - вредный, - сердито и уверенно сказала рязанка.

- Почему так?

- Я знаю почему...

Конёв усмехнулся и замолчал, закрыв глаза.

Почти до конца всеобщей мы валялись по двору, как бараны на бойне, потом меня, Конева, обеих женщин и моршанского парня отвели на окраину станицы в пустую хату, с проломленной стеною, с выбитыми стеклами в окнах.

- На улицу не выходить - заарестуем, - сказал казак, провожавший нас.

- Хлебушка бы, небольшой кусок, - заикнулся Конёв.

Казак спокойно спросил:

- Работал?

- Мало ли!

- А на меня?

- Не довелось...

- Когда доведется, то я тебе дам хлеба...

И, коротенький, толстый, - выкатился со двора, как бочка.

- Ка-ак он меня, а? - изумленно возводя брови на середину лба, бормотал Конёв. - Это, просто сказать, жох-народ... ну-ну!

Женщины ушли в самый темный угол хаты и точно сразу заснули там; парень, сопя, ощупывал стены, пол, исчез, вернулся с охапкой соломы в руках, постелил ее на глинобитный пол и молча разлегся, закинув руки под избитую голову.

- Смотрите, какое соображение выказал пензяк-то! - воскликнул Конёв завистливо. - Бабы, ой! Тут где-то солома есть...

Из угла сердито ответили:

- Поди да принеси.

- Вам?

- Нам.

- Надо принести.

Сидя на подоконнике, он немножко поговорил о бедных людях, которым хотелось пойти в церковь помолиться богу, а их загнали в хлев.

- Да. А ты баешь, - народ - одна душа! Нет, браток, у нас в России люди праведниками считать себя очень стесняются...

И вдруг, перекинув ноги на улицу, он бесшумно исчез.

Парень уснул беспокойным сном, возился, раскидывая по полу толстые ноги и руки, стонал и всхрапывал, шуршала солома. В темноте шушукались бабы, шелестел сухой камыш на крыше хаты - ветер всё еще вздыхал. Щелкал по стене какой-то прут, и всё было как во сне.

За окном густо-черная ночь, без звезд, многими голосами шептала о чем-то жалобном и грустном; с каждой минутой звуки становились всё слабее, а когда сторожевой колокол ударил десять раз и гул меди растаял - стало еще тише, точно многое живое испугалось звона ночного и спряталось - ушло в невидимую землю, в невидимое небо.

Я сидел у окна, глядя, как земля дышит тьмою и тьма давит, топит теплой черной духотой своей серые; бугры хат. Церковь была тоже невидима, точно ее стерло. Ветер, многокрылый серафим, гнавший землю три дня кряду, внес ее в плотную тьму, и земля, задыхаясь от усталости, чуть движется в ней, готовая бессильно остановиться навсегда в этой тесной черноте, насквозь пропитавшей ее. И утомленный ветер тоже сессильно опустил тысячи своих крыльев - мне кажется, что голубые, белые, золотые перья их поломаны, окровавлены и покрыты тяжелой пылью.

Думалось о маленькой и грустной человеческой жизни, как о бессвязной игре пьяного на плохой гармонике, как о хорошей песне, обидно испорченной безголосым, глухим певцом. Стонет душа, нестерпимо хочется говорить кому-то речь, полную обиды за всех, жгучей любви ко всему на земле, - хочется говорить о красоте солнца, когда оно, обняв эту землю своими лучами, несет ее, любимую, в голубом пространстве, оплодотворяя и лаская. Хочется сказать людям какие-то слова, которые подняли бы головы им, и, сами собою, слагаются юношеские стихи:

Все родной землю нашей

Мы для счастья рождены!

Для того, чтоб быть ей краше,

Солнцем мы земле даны!

Женщина. Максим Горький gorkiutaхit.ru

В этом светлом солнца храме

Мы и боги и жрецы.

Нами жизнь творима, нами!..

Сквозь тьму, из угла, где спрятались женщины, тг,-хою прерывистой струей просачивается шёпот, – я напряженно вслушиваюсь, стараюсь поймать слова, различить голоса.

Вот твердо и уверенно говорит рязанка:

– А ты не показывай, что больно... Ее подруга сморкается и гуняво тянет;

– Да-а, абы можно терпеть...

– Притворись, говорю. Он – бьет, а ты – ровно бы тебе ничего это, даже шутка...

– Тоды он забьет.

– Да еще посмейся ему, улыбнись ласковенько... – Не били тебя, видно, не знаешь ты...

– Знаю! И – били, милая. Очень я это испытала. А ты – не бойся, не забьет...

Где-то далеко глухо брехнул пес, прислушался и яростно залаял, ему тотчас отозвались другие, и минуты две я не слышал беседы баб; потом собаки задохнулись и снова потекла тихая речь.

– Мужику тоже трудно жить, не забудь, милая. Всем нам, простым-то людям, трудно, вот и надо, чтоб кто-нибудь показывал, будто ему ничего... вовсе будто легко ему...

– Ой, богородица пречистая...

– Бабья ласка – великое дело; баба и мужу и любовнику вместо матери встает. Ты вот попробуй и увидишь: начнет он твоему характеру завидовать, станет мужикам хвастаться: у меня-де жена – что хошь с ей делай – веселая, ласковая, вроде – месяц май!.. Ничему не поддается – хоть голову руби...

– Не-ет...

– А ты думаешь – как? Это, доченька, такая жизнь...

Мешая слушать, на улице досадно шаркают чьи-то неверные шаги.

– Сон богородицы – знаешь?

– Не-е...

– Спроси старух. Это – хорошо знать. Неграмотна?

– Нету. А какой сон-от?

– Вот – слушай...

Под окном раздается осторожный вопрос Конева:

– Наши – тут? Ну, слава те господи! Заплутал я, брат, собак взбудил, еле на кулаки не попался... накось держи!

Он подал мне большой арбуз, потом сам ввалился в окно, отряхиваясь и шумя.

– И хлебца добыл довольно. Думаешь – украл всё? Ни-ни! Почто красть, коли выпросить можно? Я ловок на это, умею подсыпаться к людям. Иду – вижу: в хате огонь, за столом люди ужинают, – а где много людей, там всегда один добрый есть! Вот – и поужинал, и выпил, и вам притащил... эй, бабоньки!

Они не отвечали.

- Дрыхнут, курвины дочери. Бабы?
- Чего надо? - сухо спросила рязанка.
- Арбузу хотите?
- Спасибо.

Конёв стал осторожно подвигаться на голос.

- А хлеба? Пшенисный хлеб, мягкий... просто как ты...

Подруга рязанки сказала голосом нищей:

- Дай мне хлебца...
- То-то же! Где вы тут?
- Мне и арбузу...
- Ты - которая?
- Ой! - болезненно вскрикнула рязанка. - Куда те несет, пострел?
- Не кричи... темно...
- Спичку бы зажег, чёрт.
- Сам-четверт. Спичек у меня мало. Ежели я схватился за тебя, не велика беда. Муж бил ~- больней было. Бил муж-то?
- А тебе что?
- Любопытно. Эдакую бабеночку...
- Ты - слушай... ты - не тронь... а то...
- А что?

Они спорили долго, бросая друг в друга какими-то короткими и всё более злыми словами, наконец рязанка глухо крикнула:

- О, чёрт паршивый... туда же...

Началась возня, раздалась удары по мягкому, Конёв скверно хихикал, а пензенская проямлила:

- Не балуйте, бесстыжие...

Я зажег спичку, подошел к ним и молча оттащил Конева прочь, это не обидело его, а как будто только охладило: сидя на полу в ногах у меня, отдуваясь и поплеывая, он говорил увещевающим голосом:

- С тобой, дура, играют, а ты - эго, разошлась!.. Убудет тебя...
- Получил? - спокойно спросили из угла.
- Ну, так что? Губу разбила... важность!
- Подкатись-ка еще, я те и башку разобью...
- Лошадь! Глупость деревенская... И ты тоже, - обратился он ко мне, тащишь за что попало в руки... одежду рвешь...
- Не обижай человека.

Женщина. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru

- Чудак, - не обижай! Разве бабу этим обидишь? И со смешком, грязно, он начал рассказывать о том,

как ловко бабы умеют грешить, как они любят обмануть мужика.

- Похабники, - сонно проворчала пензячка. Скрипнув зубами, парень вскочил, сел и, схватившись за голову руками, угрюмо заговорил:

- Уйду завтра... домой пойду... Господи! Всё едино...

Снова свалился, как убитый, а Конёв сказал:

- Оглобля.

Во тьме поднялась черная фигура, бесшумно, как рыба в воде, поплыла к двери, исчезла.

- Ушла, - сообразил Конёв. - Здо-оровая бабища! Ну, все-таки, ежели бы ты не помешал, я бы одолел ее, ей-богу!

- Иди за ней, попробуй...

- Нет, - сказал он, подумав, - там она палку какую найдет, кирпич али что другое. Ничего, я ее достигну! Это ты напрасно помешал... позавидовал мне...

Он снова стал скучно хвастать своими победами и вдруг умолк, точно проглотив язык.

Тихо. Всё остановилось, прижалось к неподвижной земле и спит. Меня тоже одолевает чуткий сон, я вспоминаю все подарки умершего дня, они растут, пухнут, становясь всё тяжелее, и - точно степная могила надо мною. Дребезжит колокол, крики меди падают во тьму неохотно, паузы между ними неровны.

Полночь.

На сухой камыш крыши и в пыль улицы шлепают тяжелые редкие капли дождя. Трещит сверчок, торопливо рассказывая что-то, и во тьме хаты снова плавает горячий, подавленный, всхлипывающий шёпот:

- Ты подумай, голубь, что так-то, без дела ходить, на чужих работать...

Слышен глухой ответ избитого парня:

- Я тебя не знаю...

- Тише...

- Чего тебе надо?

- Ничего не надо. Жалко мне тебя - молодой ты, сильный, а живешь зряшно, и я говорю: идем-ка со мной!

- Куда?

- На морской берег, там - я знаю - есть хорошие места: ты гляди - вон какая земля здесь ласковая до человека, а там еще лучше...

- Врешь, поди...

- Тихонько, ты! А я женщина - хорошая, я все умею, всякую работу, и заживем мы с тобой хорошо, тихо, на своем месте... Я те деток нарожу-выкормлю... ты гляди, какая годная я, пощупай груди-то...

Парень громко хрюкает; мне неловко, хочется дать им знать, что я не сплю, но любопытство мешает сделать это, я молчу и вслушиваюсь в странную, волнующую кровь беседу.

- Нет, погоди, - тяжело дыша, шепчет женщина, - не балуй...я ведь не для

Женщина. Максим Горький gorkiymaxim.ru

этого... пусти...

Грубо и громко парень ворчит:

- Тогда - не лезь! Сама лезет, а сама же ломается...
- Тише ты, услышат - стыдно будет мне...
- А приставать ко мне - не стыдно? Молчание. Парень сердито сопит и возится; капли

дождя падают всё так же неохотно, лениво, и сквозь их шум текут слова женщины:

- Ты думаешь, я мужика ищу? Мне мужа надо надежного, хорошего человека...
- Еще я те не хорош.
- Экой ты какой...
- Мужа ей! - фыркает парень. - Ловки вы тут... мужа! Ишь ты...
- Ты - послушай: шляться мне надоело...
- Ступай домой.

Помолчав, женщина ответила очень тихо:

- Нету у меня дома, и родни нет...
- Врешь, поди, - повторил парень.
- Ей-богу! Забудь меня богородица, коли вру... Мне кажется, что в этих словах ее звучат слезы, мне - нестерпимо тяжело и тошно, хочется встать и вышвырнуть парня из хаты пинками, а потом долго говорить этой женщине какие-то сердечные слова. На руки бы взять ее, как покинутого ребенка... А у них снова началась возня.
- Н-ну, не ломайся, - мычит парень.
- Нет, не надо... силой не дамся...

И вдруг она вскрикнула болезненно и удивленно:

- Ой... за что? За что же?

Я вскочил и тоже закричал, чувствуя, что зверею.

Стало тихо, кто-то осторожно пополз по полу, задел изломанную дверь, висевшую на одной петле. - Это не я, - заворчал парень, - это вон паскуда пристаёт ко мне. Жулики здесь все, покою нет...

В стороне от него обиженно вздохнули.

- Дурак ты, дурак...
- Молчи... распутница!

Дождь перестал, в окно вливалась духота, тишина сделалась еще плотнее, тяжело давила грудь и, точно паутина, оклеивала лицо, глаза. Я вышел на двор - на нем было как в погребе летом, когда лед уже растаял и черная яма полна теплой, густой сыростью.

Где-то близко дышала, всхлипывая, женщина, я прислушался и подошел к ней: она сидела в углу двора, спрятав голову в ладонях, и качалась, словно кланяясь мне.

Сердясь на нее за что-то, я долго стоял перед нею, не зная, что сказать, потом спросил:

- Ты - сумасшедшая, что ли?

Женщина. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Отстань, - не сразу отозвалась она.

- Слышал я твои речи к нему...

- Ну - так что? Тебе какое дело? Брат мне ты али кто?

Говорила она точно сквозь сон и не сердясь. Мутные пятна стены, точно безглазые лица, наблюдали за нами, а рядом тяжело дышал вол.

Я сел рядом с женщиной.

- Эдак ты очень скоро сломишь себе голову... Не ответила.

- Мешаю я тебе?

- Нет, ничего. Сиди, - сказала она, опустив руки и присматриваясь ко мне.

- Ты - откуда? - Нижегородский.

- Далё-око...

- Люб тебе парень этот?

Не сразу и как бы считая слова, сказала:

- Ничего. Здоровый такой... да вот - потерянный. Глупый еще, видно. А - жалко, хороший мужик был бы на хорошем месте.

Церковный колокол ударил дважды - она дважды перекрестилась, не прерывая речи.

- Жалко глядеть, когда молодое зря пропадает, жалко силушки, кабы можно - взяла бы всех и поставила на хорошие места.

- А себя - не жаль?

- Как - не жаль? И себя тоже...

- Что ж ты стелешься пред эдаким болваном?

- Я бы его выправила. Думаешь - нет? Не знаешь ты меня...

Она глубоко вздохнула.

- Он прибил тебя, что ли?

- Нет. Ты его не тронь уж...

- А крикнула?

Неожиданно прислонясь ко мне плечом, она тихонько созналась:

- В грудь он меня ударил... он бы одолел меня... А я не хочу, не могу я так, без сердца, словно кошка... Экие вы все какие... несуразные...

Беседа оборвалась. В дверях хаты встал кто-то и тихонько свистнул, точно собаку позвал.

- Это он, - прошептала женщина.

- Уйти, что ли?

Она схватила меня за колено, торопливо сказав:

- Нет, не надо, не надо.

И вдруг подавленно застонала:

Женщина. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

- Го-осподи - жалко всех... всю-то жизнь жалко, всю наскрозь, всех людей... Господи-батюшко...

Плечи ее тряслись, она плакала и шептала, жалобно всхлипывая.

- Вот ночью... как вспомнишь всё, что видела, всех людей, - тошно, тошно... закричала бы на всю землю... а - что? Не знаю... нечего сказать...

Это мне было глубоко знакомо и понятно - мою душу тоже давил этот крик без слов.

- Кто ты такая? - спрашивал я ее, поглаживая качавшуюся голову, трепетное плечо, и, успокоившись, она тихо рассказала мне сказку своей жизни: она - дочь столяра и пчеловода. По смерти матери отец женился на молодой девице, мачеха уговорила его отдать дбчь в монастырь, там Татьяна и жила с девя-ги лет по невестин возраст. Выучилась грамоте, рукодельям, а потом отец выдал ее за приятеля, солдата, пожилого человека, лесника в монастырском лесу.

Мне досадно, что я не вижу лица ее, - предо мною круглое, тусклое пятно, и, должно быть, она закрыла глаза. Такая странная тишь, что женщина все время говорит едва слышным шепотом. Оба мы точно погружены глубоко в черную пустоту, где нет жизни, и наша доля - начать жизнь.

- Человек был нехороший и пьяница, у него в караулке монашки гуляли по ночам с охочими людьми, и меня он стал к этому склонять, я было не хотела поддаваться, а он - бить меня, ну - уступила я, да на ту пору понравился мне один человек... с ним, а не с мужем,, я и узнала настоящее, женское. А любовник-то мой женат был, дозналась жена его про меня - тут мужа моего прогнали с должности. Богатая она была, и, конечно, обидно ей уступать место свое не знай кому. Красивая, толстая только очень. Потом вскоре муж мой помер - опился в день Фрола-Лавра, а бабушка еще раньше помер же. Я - к мачехе, а она говорит: "Зачем ты мне? Подумай". Подумала я - верно, незачем! Я было опять в монастырь, ну - вижу, не для меня это, да и мать Таисья, старушка, учительша моя, сказала мне: "Иди-ка ты, Татьяна, в мир, может, и найдешь себе счастье". Вот я и пошла... да и хожу...

- Неладно ты счастья ищешь...

- Уж как умею...

Теперь темнота не казалась туго натянутою тканью тяжелого занавеса, но поредела от напряжения, стала прозрачнее, а местами собралась в густые складки, в комья, набилась в окно хаты и смотрит оттуда слепым черным глазом.

Над буграми крыш всплыла в небо колокольня, поднялись тополя, по стене хаты расползлись трещины я вместе с язвами выкрошившейся известки сделали стену картой какой-то неведомой страны.

Я взглянул в темные глаза женщины, они блестели сухо, печально и показались мне наивными, как у девочки-подростка.

- Чудачка ты...

- Какая есть, - ответила она, облизывая губы тонким, точно кошачьим языком,

- Чего ж ты ищешь?

- Это у меня - обдуманно, это я знаю! Вот погоди - встретится мне хороший мужик, и найдем мы с ним землю себе. Найдем мы ее около Нового Афона, я там места знаю, была. И вот начнем устраивать ее хорошо: сад будет, огород и пашня, как надобно для хозяйства.

Слова ее звучали всё увереннее и крепче.

- Устроимся мы по-хорошему-то, а к нам еще люди подойдут, а мы уж старожилы, нам почет от них! Так - еще да еще, - и вот те новая деревня, хорошее место. Мужа, глядишь, в старосты выберут. Водила бы я его чисто, барином. А в саду - дети играют, беседка в саду-то выстроена... Беда как хорошо можно жить!

Действительно - будущее продумано у нее насквозь, она рисует новую деревню с

Женщина. Максим Горький gorkiymaxim.ru
такими мелкими подробностями, как будто долго жила в ней.

- Хорошего жительство хочется... Господи! Кабы удалось... Первое дело, конечно, мужик нужен.

Лицо у нее милое, глаза смотрят в тающую ночь, мягко лаская всё, на чем остановятся. А мне ее жалко, - жалко почти до слез, и, чтобы скрыть это, я шучу:

- Не гожусь ли я тебе? Усмехнулась легонько.

- Нет... Ты - не годишься...

- Почему?

- Мысли другие у тебя...

- Ну, откуда тебе знать мои мысли? Она отодвинулась от меня, сухо сказав:

- По глазам вижу... Нет, зря говорить я не согласна...

Мы сидим на дубовой суковатой колоде, почерневшей от сырости; женщина хлопает ладонью по ней.

- Богато живут казаки, а не нравится мне как...

- Что - не нравится?

- Скушно будто. Всего - много, а - скушно... Не сдержав жалости к ней, я тихонько сказал:

- И тебе скучно будет - не найдешь ты, чего ищешь, я думаю...

Она отрицательно качает головой.

- Бабе скучать некогда. У ней такой оборот жизни: то - ребенка хочет, то - нянчит его... одного вынянчила - другой готов. Весна да осень, а зима с летом мимо идут.

Приятно было смотреть в ее задумчивое лицо; конечно, хотелось крепко обнять ее, но лучше - уйти поскорее в тихую пустынную степь и, унося с собою воспоминание об этой женщине, шагать одиноко по твердой дороге к серебряной стене утонувших в небе гор, к черным ущельям, разинувшим на степь свои глубокие прохладные пасти. А уйти - нельзя, паспорт отобран казаками.

- Ты сам-то - чего ищешь? - " вдруг спросила она, снова подвинувшись ко мне.

- Ничего. Просто смотрю, как люди живут.

- Одинокий?

- Да.

- Как я всё равно. Сколько на свете одиноких-то... господи!

Волы просыпаются и тихонько мычат, напоминая звук волынки, на которой играет, где-то далеко, слепой старик. Сонный сторож неверной рукой четырежды ударил в колокол, два раза - тихо, один - очень громко и сердито, так, что медь взвизгнула и снова - : тихо чуть коснувшись певучей меди железным языком.

- Как же люди-то живут?

- Плохо.

- Да-а. И я вижу это - плохо.

Мы долго молчим, потом она говорит тихонько:

- Вот - светает, а я - глаз не сомкнула, и - часто это со мной... Задумаюсь про

Женщина. Максим Горький gorkiymaxim.ru
всё, задумаюсь... будто я одна на земле, и всё надобно мне одной устроить по-новому-то.

- Недостойно себя живут люди, в безгласии и ничтожестве, в неисчислимых обидах нищеты и глупости, - говорю я, забываясь, и горячо исчисляю все виденное мною темное, постыдное, мучительное. - Гляди - ты с добром идешь к человеку, свободу свою, силу готова ему за дружбу отдать, а он этого не понимает, и - как его обвинить? Кто показывал ему доброе? Она положила руку на плечо мне и смотрит прямо в глаза, немножко приоткрыв красивый рот.

- Ой, - слышу я, - это правда! Милый человек - верно: нет добру цены!

Крепко прижавшись друг ко другу, мы точно плывем, а встречу нам выплывает, светлея, освобожденное ночью: белые хаты, посеребренные деревья, красная церковь, земля, обильно окропленная росой.

Восходит солнце; над нами - точно тысячи белых птиц - плывут стаи прозрачных облаков.

- Господи, - шепчет Татьяна, толкая меня, - ходишь одна, думаешь а - о чем? Ну, милый же вы человек... всё это - правда! Никому ничего не жаль... ах, как верно!

И, вдруг вскочив на ноги, она приподняла меня и прижалась ко мне так крепко, что я отстранил ее, но она плачет, тянется ко мне и целует сухими, точно острыми губами - эти поцелуи доходят до сердца.

- Ну, добрый же вы мой, - всхлипывая, шепчет она, а у меня земля уходит из-под ног.

Оторвалась, оглянула двор и деловито пошла в угол его - там, под плетнем, густо разрослись незнакомые мне травы.

- Иди, идите-ко...

Потом, сидя в бурьяне, точно в маленькой пещере, смущенно улыбаясь, оправляя волосы, она тихонько шепчет:

- Вот как, случилось... Ну - ничего... господь мне простит...

Удивленный, чувствуя себя как во сне, я благодарно смотрю на нее. Мне как-то особенно легко: в груди у меня светлая пустота, а в ней, как ласточки в небе, мелькают какие-то неуловимые радостные мысли и слова.

- В большом горе и маленькая радость велика, - слышу я.

Я гляжу на грудь женщины, окропленную, как земля росой, каплями влаги, они краснеют, отражая солнечный луч, - точно кровь выступила сквозь кожу. И моя радость быстро тает - почти до слез, до тоски жалко эту грудь - я, почему-то, знаю, что бесплодно иссякнет живой ее сок.

Как будто извиняясь предо мною, она говорит немножко печально:

- Что сделаешь с собой? Иной раз так уж бывает - нахлынет что-то в душу до того, что даже больно в грудях, и так уж вся и открылась бы, как перед месяцем... али - в жару - пред рекою... право, ей-богу! После, конечно, стыдненько... не гляди-ко на меня! Что уставился, словно ребенок?

А я не могу отвести глаз от нее, думая о том, что потеряется она на запутанных дорогах.

- И лицо - будто у новорожденного...

- Глупое, что ли?

- Похоже, что глупое. Застегнув кофту, она сказала:

- Скоро, чать, к обедне ударят... Пойду, надо помолиться богородице. Ты сегодня идешь?

- Как только паспорт получу...

- Куда путь?

- На Алагир. А - ты?

Встав на ноги, она оправляет юбку, - бедра у нее уже плеч, вся она осанистая, стройная.

- я-то? Не знаю еще... Надобно мне в Нальчик... а может, не пойду. Не знаю.

И, протянув ко мне крепкие, ловкие руки, она предложила, краснея:

- Ну давай поцелуемся еще на расстанье.

А обняв одной рукою и крестя другой - сказала:

- Прощай дружок! Спаси тебя Христос за хорошее слово, за всю твою повадку...

- Пойдем вместе?

Вырвалась из рук моих, твердо и строго говоря:

- Не годится это мне... не согласна! Кабы ты крестьянин был, а так что толку? Одним часом жизнь не меряют, а годами...

И ушла в хату, тихо улыбнувшись мне на прощанье. Я сел на колоду, думая об этой женщине: что найдет она?.. Увижу я ее еще когда-нибудь?

Заблаговестили к ранней обедне; станица давно уже проснулась и солидно, невесело шумела.

Когда я вошел в хату за котомкой - хата была уже пуста, должно быть, все вышли через разломанную стену прямо на улицу.

Сходил в войсковую избу, взял паспорт и отправился на площадь - нет ли попутчиков?

Как вчера, у ограды валялись люди из России, сидел, прислонясь спиною к бревну, толстомордый пен-зьяк, - его разбитое лицо стало еще больше, уродливее, а глаза совсем заплыли в багровых опухолях,

Явился новый - седенький остробородый старичок в бархатной выцветшей скуфейке, тощий и сухой. Личико у него с кулак, нос хищно загнут и красный, пористый, а глаза - сердито-вороватые.

Рыжий орловец и вертлявый паренек наседают на него:

- Ты чего ради шляешься?

- А - ты? - тоненьким голосом спрашивает старик, прикручивая проволокой отломившуюся ручку закопченного железного чайника и ни на кого не глядя. - Мы - за работой ходим!

- Мы живем, как велено... - кем?

- А - богом! Забыл?

Старик равнодушно и четко говорит:

- Плюет на вас бог песком да пылью, кою вы же сами поднимаете, шляясь по земле его зря...

- Стой! - кричит ушастый парень. - Как? А Христос с апостолами не ходил по земле?

- То - Христос! - значительно сказал старик, подняв на спорщика острые глаза. -

Женщина. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
Дураки! Что говорите, с кем в ряд ставитесь? Я вот крикну казака...

Много раз слышал я такие споры, и они так же противны мне, как беседы о душе.

Надобно идти.

Появился Конёв, растрепанный, потный и, тревожно мигая, спросил:

- Рязанку эту Таньку видал? Нет? Ах, ведьма, стало быть - ушла она в ночь! Дали мне вчера чего-то выпить, настойки, что ли! Спал я всю ночь, как медведь зимой... А она с этим, видно, с пензяком...

- Вот он, - указал я.

- Э... на-ко ты! Ну, как же расписали человека, а? Богомазы, просто сказать...

Он снова начал беспокойно оглядываться.

- Куда ж они обе пошли?

- За обедней, может...

- И верно! Конечно! За-адела, брат, меня баба эта - ух как!

Но и после ранней обедни, когда - под веселый звон колоколов нарядное казачество, степенно выплыв из церкви, разлилось по станице яркими ручьями, - мы не нашли Татьяну.

- Ушла, - печально ворчал Конёв. - Ну, однако ж я ее найду... я настигну...

Мне не верилось в это и не хотелось этого.

Лет через пять я шагал по двору Метехского замка в Тифлисе, безуспешно пытаюсь догадаться - за какие провинности посадили меня в эту тюрьму?

Картинно грозная извне, внутри она была наполнена веселыми и мрачными юмористами - мне казалось, что все люди в ней устроили "с разрешения начальства" любительский спектакль и, как подростки, охотно, усердно, но неумело играют плохо понятые роли арестантов, надзирателей, жандармов.

Сегодня, например, пришли в камеру мою надзиратель и жандарм, чтобы вести меня на прогулку, - я ;аявил им:

- Можно мне не гулять? Нездоров я, и не хочется...

Большой, русобородый красавец жандарм строго поднял палец вверх.

- Тебе хотеть не велено...

А надзиратель, черный как трубочист, с большими синими белками глаз, подтвердил вывихнутым языком:

- Тута ныкому нэ вэлэно хотэтэ - знаишь?

И вот я - гуляю.

На дворе, мощном камнем, жарко, точно в печи висит над ним плоский и мутный квадрат пыльного неба. С трех сторон двор замыкают высокие серые стены, с четвертой - ворота, с какой-то страховидной надстройкой над ними.

Сверху через крыши непрерывно вливается глухой шум бешеных волн рыжей Куры, воют торговцы на базаре Авлабара - азиатской части города; пересекая все звуки, ноет зурна, голуби воркуют где-то... Я чувствую себя внутри барабана, а по коже его бьют множеством палок.

Из двух линий окон вторых и третьих этажей смотрят сквозь решетки смуглые лица, курчавые головы туземцев, - одия из них упрямо плюет во двор, явно стараясь доплюнуть до меня, но только напрасно истощает силы.

Другой раздраженно и упрекающе кричит:

- Послушэты! Зачэм ходышь таким курицам? Ха-ды галава вэрх!

Поют странную песню – вся она запутанная, точно моток шерсти, которым долго играла кошка. Тоскливо тянется и дрожит, развиваясь, высокая воющая нота, уходит всё глубже и глубже в пыльное тусклое небо и вдруг взвизгнув, порвется, спрячется куда-то, тихонько рыча, как зверь, побежденный страхом. Потом снова вьется змеею, выползая из-за решетки на жаркую свободу.

Внимая этой песне, отдаленно знакомой мне, – звуками своими она говорит что-то понятное сердцу, больно трогающее его, – я хожу в тени тюремного корпуса, поглядывая на окна, и вижу – в рамке одного из железных квадратов вклеено чье-то печально-удивленное голубоглазое лицо, обросшее беспечно растрепанной черной бородкой.

- Конёв? – вслух соображаю я.

Он, – на меня уставились, прищурясь, очень памятные мне глаза.

Оглядываюсь – мой надзиратель дремлет, сидя в тени на крыльце у входа в корпус, двое других играют в шашки, четвертый, усмехаясь, смотрит, как двое уголовных качают воду, приговаривая в такт движению рычага:

- Машкам, – Дашкам, – Дашкам, – Машкам... Я подхожу ближе к стене.

- Конёв – ты?

- Не могу признать, – бормочет он, – втискивая голову в решетку, – а верно: я – Конёв!

- За что?

- По фальшивой монете... только я совсем случайно, просто сказать вовсе ни при чем я тут...

Надзиратель проснулся, гремят ключи, точно кандалы, он дремотно советует:

- Нэ стой... далши отходи, у стена – нэлза.

- Середи двора – жарко, дядя.

- Вэздэ жарко, – справедливо говорит он, снова опуская голову, а сверху падает тихий вопрос Конева:

- Ты – кто?

- Татьяну рязанскую помнишь?

- Эко! – словно обидясь, тихонько воскликнул он. – Не помню! Чать, мы вместе судились...

- И она? По монете?

- А как же? Только она – тоже случаем попала, все равно как и я...

Медленно шагаю вдоль стены, в душной тени ее; из окон подвала тянет запахом прелой кожи, кислого хлеба, веет сыростью, мне вспоминаются Татьянины слова:

"В большом горе и маленькая радость велика..."

...Новую деревню хотела построить на земле, хотела создать какую-то новую, хорошую жизнь...

Вспоминаю ее лицо, ее доверчивую, жаждущую грудь, а сверху торопливо падают на голову мне тихие, серые, как пепел, слова:

Женщина. Максим Горький gorkiy.moscow.ru

- Главный-то затейщик - любовник ее - попов сын, он в деле этом машинист... На десять годов заторкали его...

- А ее?

- Татьяну Власьевну - йа шесть и меня эдак же. Послезавтра отправляюсь я в Сибирь... попала мышь в подбойку! В Кутаисе судили, у нас бы, в России, легче было... тут народишко дикой, злой народ, злодейский...

- Дети у нее были?

- При распутной-то жизни? Нет, какие там дети... Да и попович-то чахоточный, куда ему...

- Жалко ее...

- Еще бы те! - шипит Конёв оживленно. - Женщина, конечно, глупая, однако - прекрасная... просто сказать - редкая... Так до людей жалостлива...

- Ты тогда нашел ее?

- Это - когда?

- После Успеньева дня?

- Зимой настиг я ее, за Покров уже повернуло время, она около Батума у офицера старенького при детях была - жена у него сбежала, ну...

Точно курок револьвера щелкает сзади меня - это надзиратель хлопнул крышкой больших серебряных часов, спрятал их и, потягиваясь, зеваает, широко распуская рот.

- Она, брат, деньги имела, она могла хорошо жить, кабы не распутство ее... да и распутство-то - по жалости...

Надзиратель говорит:

- Кончал гулять, эй...

- А ты - кто? Лицо я помню, а где видал...

Я иду в камеру, до ярости обиженный тем, что слышал, и, остановясь на ступени крыльца, кричу:

- Прощай, брат! Кланяйся ей...

- Чиго кричишь? - сердится надзиратель.

В коридоре сумрачно, густо пахнет парашей; надзиратель размахивает ключами, и они звенят сухоньким, скупым звоном. Я поддразниваю его, чтобы заглушить скорбь в душе, но это не помогает, а он, отворив дверь камеры, говорит мне гневно:

- Сыды дэсять лэт!..

...Стою у окна. Через серые зубцы стены мне видно буйный бег куры, сакли и дома, прилепленные на берегу ее, фигуры рабочих на крышах кожевенных заводов. Под окном ходит часовой, сдвинув фуражку на затылок.

... Память уныло считает десятки бесплодно и бессмысленно погибающих русских людей, и сердце угрюмо сжимается великой, неизбывной, на всю жизнь данной тоскою.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЖЕНЩИНА

Впервые, под названием "По Руси (из впечатлений "проходящего"), напечатано в журнале "Вестник Европы", 1913, кн. I, стр. 5 - 32.

Новое название расказ получил при подготовке его для Собрания сочинений (СПб., "Жизнь и знание").

Стр. 344. Завтра – Успенев день.. – 18 августа ст. ст.

...по пути из Курска до Терской области... – В Курске Пешков был в июне 1891 года (см.: И. Баскевич. Горький в Курске. Курск, 1959, стр. 7) из Курска отправился через Задонск в Бессарабию; оттуда через Крым пришел на Кавказ, пройдя Кубанскую и Терскую области (смл "Горьковские чтения", 1966, стр. 381 – 386).

...к пескам Алексинского уезда... – Уезд Тульской губернии, расположен на правом берегу Оки; уездный город – Алексин.

Стр. 355. Сон богородицы – духовный отяж о вешем сне "богородицы", в котором предсказывалось распятие Иисуса Христа и его "воскресение" (см.: "Калики переходные", вып. в. М., 1864, стр. 175 – 235).

Стр. 361. День Фрола – Лавра – 18 августа ст. ст.

Стр. 365. На Алаир. – Алагир расположен в долине реки Ардон (приток Терека). ,

Стр. 367. Лет через пять я шагал по двору Метвхскоео замка в Тифлисе... – 6 (18) мая 1898 года Горький был арестован в Нижнем Новгороде по делу Ф. Е. Афанасьева и других членов социал-демократической организации Тифлиса, 12 (24) мая писателя под конвоем доставили в Тифлис и заключили в Метехский замок (см.: "Красный архив", 1936, No 5, стр. 32 и 34).

Стр. 368. Авлабар – часть старого города в Тифлисе. Стр. 370. Покров 1 октября ст. ст.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!